

ӘДЕБИЕТТЕР

1. Токжанов Т. Қазақстан әдебиет. – Жұлдыз, 1990.
2. Жұмабаев М. Шойын жолы. – Алматы: 1994.
3. Елеуқенов. Ш. Әдебиеттегі Психологизм. Жұлдыз, 1998.
4. Бекмаханов Е. ХІХ ғасырдың 20-40 жылдарындағы Қазақстан: оқу құралы. – Алматы: 1994.
5. Жарылғапов Ж. Майтанов және әдебиеттің ұлы теориясы. Жұлдыз, 2001.
6. Алтынбаева С. Қазақстанның қазіргі әдебиеттануының алғашқы жұлдызы. – Алматы: 2008.
7. Изотов А. Бақытжан туралы естеліктер. Жұлдыз, 2011.
8. Сафронова Л. Филология ғылымдарының докторы, профессор Б.Майтановтың еңбектеріндегі пәнаралық зерттеулер. – Алматы: 2007.

Гадюкова А.В., Карагандинский университет Казпотребсоюза, факультет бизнеса, права и технологии, гр. ПиМО21-2, студент
(*Научный руководитель – к.ф.н., старший преподаватель Джусупов Б.И.*)

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЯЗЫКА

Одним из наиболее дискуссионных вопросов лингвистики является вопрос о происхождении языка. Ведь сложность решения данной проблемы состоит в том, что о происхождении речи, о ее начальных этапах мы можем судить только по косвенным признакам: возникла речь и на протяжении многих веков существовала в устной форме, не оставив после себя памятников. На сегодняшний день ясно одно: сама история языка (как и всякая история вообще) является лишь ретроспективным взглядом в прошлое исходя из наличного состояния теоретической лингвистики. Поэтому и возможность «окончательного разрешения» вопроса о происхождении языка, как и возможность создания подлинной истории языка является мифом современной науки о языке; функции от господствующих «классических» схем теоретической лингвистики и философии языка.

Происхождение языка будет всегда оставаться тайной и пока существует наука о языке; сама теоретическая лингвистика создаёт и поддерживает эту тайну в качестве необходимого условия своего существования. История языка - это одновременное множество разных и даже взаимоисключающих историй, рассказываемых о языке, поэтому «объективная история развития языка» - это такой же, как и прочие, миф современной лингвистике научная история языка состоит не в написании его истинной истории, а в умении читать и понимать одновременно множество историй о языке. Классическая фонология объясняет происхождение языка как процесс формирования членораздельной речи или процесс развития способности артикуляции. Этот процесс тесно связан с физиологическими механизмами артикуляции - формированием специфически человеческой гортани и других органов речи. Но в свете упомянутых выше теорий знака, символа, письма и текста эта история должна быть радикально пересмотрена. Происхождение языка следует рассмотреть из символической деятельности как основы языка.

Данная проблема происхождения языка выводит нас к проблеме производства смысла, поскольку в рождении смысла (значение) философы и лингвисты сегодня видят начало языка (и культуры). А происхождение смысла связано в первую очередь с символической деятельностью, с символом как решающим элементом культуры и языка. Язык является одной из самых ранних и наиболее адекватной формой символической деятельности, хотя и не единственной. Тем не менее, мы не должны полностью отождествлять эти два вида деятельности. Основная проблема производства смысла связывает воедино понятия (и проблемы) символа смысла языка. Язык является одной из самых ранних и наиболее адекватной формой символической деятельности, хотя и не единственной. Тем не менее, мы не должны полностью отождествлять эти два вида деятельности. Символическая деятельность, во-первых, шире собственно языковой (вербальной) и может осуществляться в неязыковых (недискурсивных) формах. Но главное, она предшествует языковой, т.е. является более древней, чем языковая, и тем самым позволяет правильно поставить и решить вопрос о происхождении смысла, и тем самым языка. Проблема производства смысла связывает воедино понятия (и проблемы) символа, смысла и языка.

Многие лингвисты и философы ХХ века подошли к догадке о генеративной функции символической деятельности по отношению к языковой. Так, выдающийся американский языковед Эдвард Сепир, рассматривая проблемы происхождения языка, высказал мысль о том, что коммуникативная функция языка является не основной для него, и не может быть причиной

появления языка. Сепир связывает зарождение языка символической деятельностью, т.е. с необходимостью (или удачей) в выражении результатов символической деятельности в голосовой дискуссии и лишь на этой основе зарождается функция коммуникации, общения.

Если это так, то происхождение речи выглядит совершенно иначе, чем это представляет классическая лингвистика. Последняя рассматривает прагматическое употребление звуков (вокабул) в качестве основы происхождения человеческого языка, т.е. связывает этот вопрос с семантикой. На самом же деле раннее символотворчество, как нам представляется, не связано ни с прагматикой, ни с семантикой. Первичные смыслы (значения) рождаются не из опыта опасности, полезности или иной прагматической функции. Иными словами, первоначальные смыслы могли быть, скорее всего, прагматически нейтральными, «бесполезными» туманными значениями, лишь каким-то таинственным для человека образом связанными с реальными объектами, формами или звуками. Эта туманная таинственная непонятная связь первичных прагматических значений с реальными объектами порождает фетишизм, демонизм, колдовство, магическое видение мира, и «животный» (но уже вполне человеческий) страх перед окружающим миром, которые можно суммировать как крайне «нереалистическое» видение мира. Но это же чувство порождает и специфически человеческое эстетическое мировосприятие.

В этом процессе кроется и решающее различие между символом и знаком, часто затушевываемое классическими лингвистическими теориями. Лингвисты чаще всего видят различие между человеком и животным в том, что человек это «знаковое», «знакотворческое», «сигнификативное» существо, тогда как животному отказывают в этой способности. На самом деле многие животные (по крайней мере, высшие) способны пользоваться и пользуются многими видами знаковой деятельности (жесты, мимика, телодвижения и другие невербальные формы). Эту способность мы вполне правомерно можем рассматривать как проявление символического поведения, т.е. предметной соотнесенности. Это уже символическое, а не симптоматическое действие, и общепринятое выражение чувства является самой первой формой обозначения. Но то, чем животные в принципе неспособны пользоваться и чему необучаемы - это порождение и использование вербального, голосового знака для закрепления обозначенного смысла

Различие между знаковой и символической деятельностью состоит прежде всего в том, что символизм теснейшим образом связан со словом, речевой деятельностью. Язык является высшим проявлением символизма. Существует два основных типа символической деятельности словесный и образный, логический и эмоциональный, назовем их, вслед за Сьюзен Лангер, «дискурсивным» и «презентативным». Дискурсивный тип более склонен к порождению буквальных смыслов, художественных (переносных, метафорических), хотя типы означения гораздо более разнообразны и могут относиться как к одному, так и к другому типу. Презентативная форма, по-видимому, характерна и для животных. Во всяком случае, эмоционально-чувственное восприятие мира - основа презентативной формы символизма - явно присутствует у них. Но презентативная форма - это лишь зачаток, росток собственно символической деятельности. Подлинно символической деятельностью является лишь дискурсия - деятельность по замещению отсутствующего (или неопределенного) объекта произвольным знаком в форме слова, речи. В презентативной форме символической деятельностью является не само эмоционально-чувственное восприятие, а образно-интеллектуальный план, который оно порождает. Сегодня мало кто возьмется утверждать, что у животных полностью отсутствует способность создавать образы и фантазии или даже элементарные мыслительные операции.

Таким образом, у животных есть лишь зачатки, предпосылки символического поведения, но не более того. Без перехода, превращения этих предпосылок в дискурсивную форму, т.е. без увязывания образно- понятийного плана с вербальной, речевой деятельностью, эти предпосылки так и останутся лишь предпосылками. И при всем сходстве эмоционального и ментального поведения человека и животных между ними существует некая незримая, но четкая граница, которую животные не в состоянии перешагнуть это способность человека к речевой деятельности и полное отсутствие ее у животных. Слова и фразы становятся теми знаками, лучше сказать «резервуарами», в которых откладывается, закрепляется и передается общезначимый смысл, понятный другим людям и делающий возможным коммуникацию - общение с помощью речи. Смыслотворческая форма рождается из бессмысленного лепета, лопотания, но звукотворчества, столь характерного для детей раннего возраста. Больше того, эта бессмысленность первоначального звукотворчества является необходимым условием для возникновения (смыслосодержащей) речи, языка. Именно эта беспричинная страсть к бессмысленному лепету отсутствует у животных и лишает их возможности овладеть даже элементарными навыками

человеческого языка. Она постепенно угасает у человека по мере его взросления, превращаясь в более или менее полноценную человеческую речь.

Таким образом, происхождение и сущность языка следует искать не в прагматических звуковых реакциях, выражающих естественные желания животного, а в непрактичном и «бесмысленном» экспериментировании со звуками, в формулировании и выражении «идей». Идей, не имеющих никакого практического значения, никак не связанных с реальными объектами, желаниями или потребностями, и выражающих скорее фантазии и грезы, чем реальный опыт и результаты естественных потребностей. Истоки языка кроются не в аккумуляции и выражении опыта, не в результатах прагматического приспособления человека к окружающим условиям, и даже не в необходимости общения посредством звуков, а в бессвязном звукотворчестве, бессмысленном экспериментировании со звуками, тем не менее, каким-то образом имеющим отношение к реальному миру. Первоначальную связь эмоционального опыта со словом следует искать не в прагматической связи знака и результата, а в связи имени и образа. Многие высшие животные оказываются в состоянии связывать знаки и вещи жестами, телодвижениями, мимикой, но они не в состоянии установить и закрепить связь голосового знака с вещью, создать «вторую сигнальную систему», говоря словами И.П. Павлова.

Символ в собственном смысле слова возникает только там, где отсутствует прямой референт, объект, к которому он может быть отнесен, или где он не имеет никакого практического значения. И тем не менее, он оказывает не меньшее влияние на человека, чем референциальный объект, т.е. вызывает столь же эффективные эмоциональные реакции, что и прагматические объекты. Жесты и мимика у высших обезьян всегда связаны с конкретными объектами или действиями, всегда имеют для них смысл только в связи с этими конкретными референтами; звуки же не имеют для них такого смысла. Только у человека звуки вызывают столь же эмоциональные поведенческие реакции, какие у животных вызывают объекты и ситуации. Звуки волнуют и привлекают человека даже тогда, когда не соотносятся ни с каким объектом, не являются знаками объекта, они составляют свой автономный самодостаточный языковой мир, человеческий мир. Уже с самого раннего детства человек погружается в этот мир и проявляет неискоренимый интерес к пока еще бессмысленному миру чистых звуков - в виде лепета, «бесмысленной болтовни», бормотания и т.д. Лишь благодаря этому почти мистическому интересу лепету человек оказывается способным изобретать вербальные символы, чего совершенно лишены животные. Человек происходит от, или рождается как вербальное, вокализирующее, «звукообильное» существо. Для детеныша животного звуки непосредственно связаны с объектами, миром, они сигнализируют об опасности, конкретной ситуации, желании, намерении, т.е. продуцируются этими естественными характеристиками. Для человеческого детеныша первые звуки (лепет) никак не связаны с предметами и ситуациями. Но именно из них, первых слогов и звуков формируются исходные фонетические единицы, которые с течением времени приобретают для него самостоятельные значения, становящиеся общепринятыми. Эти первоначальные значения никак не связаны с объектным миром – с вещами и обстоятельствами этого мира, они имеют исключительно антропогенный характер и значимы только для самого человека. Лишь из этого вербального опыта впоследствии (по мере взросления, социализации индивида) рождается человеческая картина мира, связывающая воедино вербальный и материальный миры.

Литература

1. Аверинцев С.С. Символ. // Философский энциклопедический словарь. -М.: Советская энциклопедия, 1989. -815 с. (581).
2. Культурология. XX век. Словарь. СПб, Университетская книга, 1997.- 640 с. (406).
2. Бирюков Б.В. Знак. // Философский энциклопедический словарь, 198. 4. Культурология. XX век. Словарь, с. 125.
3. Философский энциклопедический словарь, с. 200. 6. Культурология. XX век. Словарь, с. 129.